

комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1904. – Т. XXII.

ТЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ПОЛИТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Семенчик Н.Е. г. Минск, БГТУ

С началом Первой мировой войны отношение к ней большевиков характеризовалось только негативно. Невзирая на то, что российская общественность называла ее Второй (даже Великой) Отечественной, они открыто желали стране поражения, за что и снискали прозвище «пораженцев». Большевики настойчиво проводили в жизнь идею о превращении войны «империалистической в войну гражданскую» даже после свержения самодержавия. Их отношение к продолжавшейся войне и соответствующая работа в войсках (призывы к братаниям, неповиновению командирам и др.) объективно способствовали интересам противника. Не случайно в общественном мнении закрепилось представление о большевиках как немецких шпионах. Результаты их (большевиков) подрывной работы проявили себя летом 1917 г., когда Временному правительству и поддерживавшим его органам «революционной демократии» – Советам и солдатским комитетам – не удалось добиться решающего перелома на фронтах и принудить противника к мирным переговорам. Попытка министра-председателя Керенского и верховного главнокомандующего Корнилова восстановить дисциплину в армии, в том числе, путем введения смертной казни, позволила большевикам обвинить Временное правительство и генералитет в контрреволюционности и продолжении царской завоевательной политики.

После сорванного Керенским плана очищения петроградского гарнизона от разложившихся большевизированных частей и ареста Корнилова идея достижения мира путем разгрома войск австро-германского блока окончательно утратила популярность. Мало того, с наступлением осенних холодов в войсках, главным образом, дислоцированных в тылу, распространились и стали массовыми ожидания заключения мира. К примеру, в сентябре его затребовали солдаты распределительного пункта Гомеля, не желавшие отправки на передовую [1]. Характерно, что на всех фронтах наступательные операции прекратились, тем не менее, большевистская пропаганда

об «империалистической бойне», «море крови», «братоубийственной войне» возбуждала окопников против Временного правительства и своих командиров. «...Растлевающее действие на солдат оказывает издающаяся в городе Минске и в изобилии попадающая на фронт газета «Молот», – сообщалось 1 октября в сводке о настроениях в гренадерском корпусе 2 армии Западного фронта. – ...Отношение солдатской массы к политическим вопросам безразличное, но число последователей большевиков резко увеличивается, что объясняется желанием поскорее закончить войну» [2, л. 1]. Часть делегатов солдат-крестьян прибыла на съезд Западного фронта (23 – 25 октября) с наказами обязательно «привезти землю и мир». В ином случае им угрожал самосуд [3, л. 19].

В силу тенденциозной пропаганды и неразвитости политического сознания солдат продолжение войны воспринималось ими, главным образом, как злая воля «буржуазно-помещичьего правительства». Партия большевиков, представлявшаяся в глазах «революционной демократии» основным объектом выступления «корниловцев», приобрела имидж самых последовательных революционеров и еще более активно повела борьбу с «новой корниловщиной», «генеральской контрреволюцией», «готовящейся сдачей Питера немцам» и т. д. В их обращениях к солдатской массе возобладали лозунги передачи власти Советам как радикального средства решения всех проблем революции, в том числе, окончания войны.

Вопрос о войне и мире на том или ином уровне бурно обсуждался всеми слоями общества. Он же занимал первые строчки в программах политических группировок, выдвинувших своих кандидатов на выборы в Учредительное собрание. Большевики понимали всю сложность реализации проблемы выхода из войны, поэтому обещали избирателям не мир, а лишь его «предложение» [4, с. 88]. Их конкуренты считали, что «мир даст лишь Учредительное собрание». При этом эсеровский лидер Чернов предсказывал опасность политических дрызг в обществе. «Чем больше у нас междоусобиц, – говорил он, – тем меньше внимания обращают на нас за границей, тем меньше с нами считаются противники, союзники, нейтральные страны. За разбитые горшки заплатим мы; мир будет заключён за наш счёт» [3, л. 17].

Министры Временного правительства не раз обсуждали проблему выхода из войны. Так, 18 октября на заседании кабинета министр иностранных дел Терещенко предостерег от поспешных

действий. «В Австрии такой же жестокий голод, как и у нас, – говорит он. – Волна беспорядков прокатилась по всей Германии и Австрии. О Турции не приходится говорить. Не сегодня-завтра Центральные державы рухнут и мы заключим не позорный мир, а мир, достойный Великой России». [5, с. 384]. Но по мере приближения выборов в Учредительное собрание вопрос о войне и мире обострялся, патриотические настроения в обществе продолжали угасать. Так, 20 октября на заседании Предпарламента даже военный министр Верховский был вынужден констатировать, что «боеспособность армии восстановить невозможно. Тяга армии к миру сейчас непреодолима» [5, с. 394].

Можно полагать, что судьба войны и мира для России, равно как и земли для крестьян, самоопределения для народов и т. д. связывались с Учредительным собранием, выборы в которое были назначены на 12 ноября 1917 г. Большевики также решили принять в них участие. Так, на территории Беларуси и Западного фронта они зарегистрировали свои избирательные списки по всем четырем округам. Однако, не будучи уверенны в своей победе на выборах в масштабах всей России, еще в процессе избирательной кампании большевики Петрограда во главе с Лениным и Троцким, опираясь на гарнизон и отряды рабочей Красной Гвардии, свергли Временное правительство и провозгласили переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся последующая деятельность большевиков длительное время не признавалась законной ни соратниками по «революционной демократии» (кроме разве левых эсеров), ни оппонентами из либерально-демократического сегмента политических сил, ни демократически избранными земскими и городскими самоуправлениями, ни профессиональными союзами и т. д. Да и все не большевистские по составу Советы поначалу признали ленинский СНК как временное правительство, созданное, помимо прочего, для скорейшего созыва Учредительного собрания [6, с. 6].

Характерно, что и союзники России по Антанте, и их противники никак не отреагировали на Декрет о мире, на призывы сесть за стол переговоров, поскольку они попросту не признали полномочий издателей декрета. Не придали должного значения документу и представители «революционной демократии». Кое-кто, к примеру, полагал, что обнаружение его в совокупности с Декретом о земле

имело целью завоевать «лишние» голоса на выборах в Учредительное собрание. Как бы там ни было, но основной силой, которая восприняла Декрет о мире как реальный шаг к окончанию войны, были давно ожидавшие его солдаты действующей армии. Признание ими Декретов означало автоматическое признание власти, издавшей их, поэтому СНК и большевистские чрезвычайные органы на местах (ВРК) проделали большую работу по распространению своих печатных материалов.

В то же время отсутствие реальных признаков мира могло иметь печальные последствия, поэтому 7 ноября СНК был вынужден потребовать от подвластного ему военного командования начала мирных переговоров с противником. Но исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего генерал Духонин отказался выполнить соответствующее предписание, ссылаясь на то, «что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством» [6, с. 44]. 9 ноября СНК отстранил генерала от должности, назначив на нее прапорщика Крыленко. Но генерал Духонин по прежним мотивам отказался сдать полномочия. «Таким образом, – писал «Бюллетень ВРК Западной области и фронта», – в вопросе об открытии неотложных переговоров о перемирии народное рабоче-крестьянское правительство вступило в конфликт с помещичье-капиталистическим генералитетом, со всем высшим командным составом». В ночь на 12 ноября главнокомандующий Западным фронтом генерал Балувев под этим предлогом был отстранен от должности. До середины ноября новый главнокомандующий Каменщиков отдал приказ «немедленно приступить к переговорам с немцами» [6, с. 45]. Для обеспечения успеха начатого дела ВРК Западного фронта рекомендовал «повсеместно взять в руки комитетов настоящую полноту власти» и подчинить им весь командный состав. Прапорщик Крыленко в своем «Приказе по армии и флоту № 2» за неповиновение и «преступные действия, которые ведут к новому взрыву гражданской войны», объявил Духонина «врагом народа» [6, с. 45]. 20 ноября отряды большевиков и анархистов заняли Ставку и зверски убили его. Тогда же в Брест-Литовске начались мирные переговоры [6, с. 46] между Россией и странами австро-германского блока. По этому поводу большевики провели мероприятия «в ознаменование первых крупных успехов в борьбе за

мир, в ознаменование успеха власти народных комиссаров» [6, с. 47].

На деле «успехи в деле мира» вылились в эскалацию гражданской войны: вслед за расстрелом группы офицеров под Жлобином, убийством генерала Духонина, разгоном Всебелорусского съезда в Минске (17–18 декабря 1918 г.) развернулись масштабные боевые действия (январь–февраль 1918 г.) между большевистскими формированиями и Первым польским корпусом. С разгоном Учредительного собрания надежда на мир, по словам Чернова, «не шкурнический, не сепаратный, а всеобщий демократический мир» исчезла. Но и расчет Ленина и Троцкого на мировую революцию не оправдывался, а подписывать мир с делегацией противника не отвечало их принципам. «Согласие на требование германских империалистов, – говорилось в газете «Звезда» от 19 февраля 1918 г. – это еще большее преступление перед мировой революцией, она не может послужить примером борьбы для наших немецких товарищей». Сдерживать же кайзеровские войска было фактически нечем: политика слома старой армии привела к развалу системы обороны Западного фронта. Прежний «защитник Отечества» образца 1914–1917 гг. превратился в «человека с ружьем». Сбившись в группы, они стали представлять угрозу местному населению. Так, в январе 1918 г. они учинили погромы в Радошковичах, Койданове и других городках [6, с. 49].

Более или менее дисциплинированные части не могли оказать существенного сопротивления агрессору и отступление большевиков и отрядов Красной Армии из Минска, Могилева, Гомеля, Орши, Полоцка превратилось в бегство. Местное население не высказало желания защищать «Социалистическое Отечество». По сути, нигде в Беларуси (кроме, пожалуй, части Витебской губернии) противник не встретил серьезного сопротивления.

Таким образом, после прихода к власти большевики попытались перехватить инициативу у Учредительного собрания в вопросе выхода России из войны с целью привлечения народных симпатий и упрочения социальной базы. Исключительно узкопартийными интересами можно объяснить их поспешность в разрушении армии и подписании перемирия. Формирование большевиками собственных вооруженных сил происходило, главным образом, в целях подавления недовольных их режимом и объективно вело к эскалации гражданской

войны. Итогом недалновидной политики ленинского СНК и их соратников из Облисполкомзапа, в частности, стала почти полная оккупация германскими войсками Беларуси. Еще более тяжелые последствия имел Брестский мир. Как заявил президент России В. В. Путин 27 июня 2012 г. на заседании Совета Федерации, «Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне – уникальная ситуация в истории человечества. Это результат предательства тогдашнего правительства» [7].

Дальнейшие события в Советской России и ее Западной области только подтверждают этот вывод. Кроме того, купив у Германии «передышку», большевики перенесли боевые действия с внешнего фронта на внутренний, против собственного народа.

Использованная литература

1. Известия Бобруйского Совета. – 1917. – 24 сент.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 23.
3. НАРБ. – Ф. 60. – Оп. 3. – д. 339.
4. Ленин, В. И. Доклад о переговорах с Духониним. Полн. собр. соч. – Т. 35.
5. Верховский, А. И. На трудном перевале / А. И. Верховский. – М.: Воениздат, 1959.
6. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): У 2 ч. / М. Я. Сяменчык – Мн.: БДПУ імя М. Танка, 2001. Ч. II. I.: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. – 160 с.
7. http://www.odnako.org/blogs/show_19359. Режим доступа 02.09.2013.

УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (1897 – 1917 ГГ.)

Старовойтов М.И. г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины

Предложенная межрегиональная проблема в отечественной историографии не получила должного освещения и в сравнительном контексте никогда не ставилась. Необходимость такого плана